

Т. С. Царькова

«МЕРТВЫЙ ЦАРЬ СИДИТ В МЕХУ...»
(ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К СТИХОТВОРЕНИЮ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО
«ДЕТСТВО ЛУТОНИ»)

Резюме

Предмет исследования — стихотворение Н. А. Заболоцкого «Детство Лутони» в аспекте его геопоэтики. В литературоведческих работах о поэте это стихотворение не упоминается. А оно интересно еще и тем, что это единственное произведение Заболоцкого, выполненное в соотношении с традиционными образами и жанрами русского фольклора: детскими играми и сказками, действительно бытовавшими в крестьянских семьях. Итог краеведческих разысканий автора будет неожиданным даже для жителей Петербурга: мало кто из них знает, как разгадать загадочную строку поэта: «Мертвый царь сидит в меху» — о предмете, который стал наряду с другими скульптурными атрибутами в изображении самодержца символом утверждения русской государственной власти.

Ключевые слова: Н. А. Заболоцкий, Медный всадник, царь, мех, Адмиралтейская крепость, фольклор, Лутоня, Н. Е. Лансере

Tat'yana S. Tsar'kova

"THE DEAD TSAR IS SITTING IN FURS...": A GEOPOETICAL
COMMENTARY ON NIKOLAI ZABOLOTSKII'S "LUTONIA'S
CHILDHOOD"

Abstract

This is a study of the geopoetics of Nikolai Alekseevich Zabolotskii's poem "Lutonia's Childhood," which scholarly works on Zabolotskii have so far overlooked. This poem, however, is especially interesting because it is the only work by Zabolotskii that echoes traditional imagery and genres of Russian folklore: children's games and fairy tales, which used to be

© Т. С. Царькова, 2025

a part of peasants' family life. The outcome of this study will surprise even the natives of St. Petersburg: very few of them know what hides behind the mysterious line "The dead tsar is sitting in furs." This line in fact refers to an item that, along with other specific sculptural attributes used in the tsar's portrait, has become a symbol of Russia's state power.

Keywords: Nikolai Alekseevich Zabolotskii, Bronze Horseman, tsar, fur, Admiralty Fortress in St. Petersburg, folklore, Lutonia, Nikolai Evgenievich Lanseray (Lansere)

DOI 10.31860/2712-7591-2025-1-259-268

*К 300-летию памяти
императора Петра I*

Стихотворение Николая Алексеевича Заболоцкого «Детство Лутони» (1931 г.) не столь известно, как многие другие его стихи, поэмы и переводы. Насколько нам известно, оно не анализировалось в монографических исследованиях о поэте и не привлекало внимания филологов-фольклористов. Впервые было опубликовано только в 1969 г. в популярном тогда ежегодно выходившем издании «День поэзии», а впоследствии вошло в трехтомное «Собрание сочинений», подготовленное вдовой поэта Екатериной Васильевной и их сыном Никитой Николаевичем, с предельно кратким комментарием: указанием на первую публикацию и на то, что печатается, как и там, по авторскому рукописному собранию стихотворений и поэм, подготовленному в 1948 г. [Заболоцкий 1983, с. 102–104, 636].

Стихотворение большое, включает диалоги и реплики пяти действующих лиц (две партии — хоровые), его полный текст здесь не воспроизводим, ограничимся цитатами, необходимыми главным образом для комментария к строке, вынесенной в заглавие настоящей работы. Жанр этого произведения можно определить как стихотворная драматическая сценка, которая вполне может быть поставлена, сыграна и даже экранизирована¹. Говорящие и действующие герои: Лутоня, его Бабка, Захарка, дети, звери. У всех есть высказывания или хотя бы реплики, действия поясняются авторскими ремарками. Ролевой, многоголосый, полифонический стих появился и просуществовал у Заболоцкого в хронологически короткий промежуток с 1929 по 1933 г. Это поэма «Торжество Земледелия» (1929–1930), где в главах 4–6 говорят: солдат,

¹ Эту особенность бегло, но точно отметил А. В. Македонов, когда анализировал переходный для Заболоцкого период от ранних «Столбцов» к философским стихам и поэмам 1931–1933 гг.: «Это главным образом сценки в стихах, обычно в той или иной мере сказочные или гротескные, несколько драматизированные, с диалогами и беседами условных персонажей (как в „Торжестве Земледелия“), широкого философского и натурфилософского содержания» [Македонов, с. 154].

предки, коровы, конь, соха и тракторист; поэма «Безумный волк» (1931), герои которой — медведь, волк-философ, волк-студент, волки-инженеры, волки-доктора, волки-музыканты и Председатель собрания, тоже волк; поэма «Деревья» (1933), где действуют уже люди с именами, «собираательно знаковые образы» [Македонов, с. 154] — Бомбеев, Зина, Лесничий, — и звучат немногочисленные голоса природы; стихотворения того же 1931 г.: «Испытание воли», «Поэма дождя», «Школа жуков».

В той же поэтической форме и в том же 1931 г. Заболоцкий написал стихотворение «Детство Лутоня», но в нем нет натурфилософских поисков и построений. В его основе лежат фольклорные мотивы. Полагаю, это единственное стихотворение Заболоцкого, в котором так очевидно воспроизведен фольклорный жанр — детская игра, действительно бытовавшая в русских деревнях.

Стихотворение начинается с недлинного монолога Бабки, она разговаривает сама с собой о бытовых делах, о непогоде — поднялся сильный ветер — и напевает:

Ветер, ветер, белый конь,
Нашу горницу не тронь.

Ее перебивает внучок Лутоня:

Баба, баба, ветер где?
Б а б а
Ветер ходит по воде.
Л у т о н я
Баба, баба, где вода?
Б а б а
Убежала в города.
Л у т о н я
Баба, баба, мне приснился
Чудный город Ленинград.
Там на крепости старинной
Пушки длинные стоят.
Там на крепости старинной
Мертвый царь сидит в меху,
Люди воют, дети плачут,
Царь танцует, как дитя.

Вот это восьмистишие, а точнее, его строка «*Мертвый царь сидит в меху*», и есть тема предлагаемого геопоэтического комментария.

Какую реалию описал поэт — портрет, скульптуру, памятник? Обращение к краеведам Петербурга не дали искомого ответа, реакцией на поставленный вопрос было пожимание плечами: «Не знаю, о чем речь» — или: «Ну мало ли что эти обзериуты придумывали!» Выдумка? Можно было бы и это

не исключать: ведь рассказывает свой *сон* деревенский ребенок, — но описывает поэт, уже 10 лет к тому времени проживший в Петрограде — Ленинграде, в деталях он не фантазирует, он их фиксирует.

А какая в Петербурге сохранилась самая старинная крепость? Конечно, Петропавловская. В молодые годы Заболоцкий жил рядом, на Петроградской стороне: сначала в студенческом общежитии на улице Красных Зорь², потом, по окончании педагогического института, в съемных комнатах на Конной³, а затем на Большой Пушкарской улице, до переезда в первую отдельную квартиру в доме № 9 на канале Грибоедова весной 1934 г. Мог он бывать в крепости? Конечно, тем более что Петропавловский собор был открыт для экскурсий еще в 1920-е гг. На обращение в Государственный музей истории Санкт-Петербурга — были ли и есть ли у них изображения русских царей, в частности Петра I, исключая позднюю шемякинскую скульптуру, — получаю отрицательный ответ. «Разве что, — говорят, — икона „Иисус Христос на Престоле“ — Он в царском облачении». Действительно, на этой иконе петровского времени (Андрей Меркурьев (Поспелов) «со товарищи», не позднее 9 ноября 1727 г.; надпись в картуше выполнена по-старославянски в две строки, в современной орфографии: [мною цари царствуют / и сильные пишут правду]. Из Притчей Соломона (8: 15)) Христос предстает «Царем Царей и Господом Господствующих». В описании читается: «...изображен с атрибутами царской власти. Он облачен в далматик с расшитым камнями золотым оплечьем-бармой и царскую шапку куполообразной формы с крестом, напоминающую митру. На груди Христа панагия — знак архиерейского достоинства. В руках атрибуты царской власти: в правой — скипетр, в левой — держава»⁴.

Есть старинная крепость, где стоят две пушки, выстрел одной из которых горожане слышат каждый полдень, есть Царь Царей, правда, нет меха, хотя и без последнего утверждения ясно, что этот величественный образ не гармонирует со стилистикой стихотворения Заболоцкого. К Христу не могли быть отнесены строки:

Люди воют, дети плачут,
Царь танцует, как дитя.

² Участок Каменноостровского проспекта, переименован под влиянием революционных настроений в 1918 г. Ныне возвращено прежнее название.

³ Конная улица в Санкт-Петербурге — часть современного Кронверкского проспекта от Большой Дворянской улицы (современное название — улица Куйбышева) до Каменноостровского проспекта. Так была названа потому, что здесь располагалась площадка, на которой торговали лошадьми.

⁴ Кроме этих цитат, более подробное описание иконы см.: [Иконостас, с. 46–47].

Они в нашем восприятии скорее вызывают ассоциации с представлениями о первых строителях Санкт-Петербурга и, в частности, той же Петропавловской крепости, и контрастно — об ассамблеях, устраивавшихся при Петре I.

В дореволюционном Петербурге — Петрограде памятников царям и членам их семей насчитывалось не менее сорока, они устанавливались на площадях и улицах, в садах и парках, перед зданиями учреждений, в том числе учебных заведений, больниц, промышленных предприятий и др. После революции согласно декретам новой власти большинство их было снесено, переплавлено или разбито. Императорских монументов в центре города, бывшей столицы, в 1931 г. осталось наперечет. Их нетрудно было выявить и осмотреть с точки зрения приложимости к комментируемым строкам Заболоцкого.

Первым объектом, конечно, стал коннетабль Карло Бартоломео Растрелли, водруженный перед Михайловским замком. Замысел Петра I еще при жизни увидеть памятник себе исследователи относят к 1715 г. В 1723 г., согласно свидетельству современника Петра I Фридриха Вильгельма Берхгольца, император видел две модели скульптора — пешую и конную, и они обе ему понравились. Но смерть Петра, затем смерть Растрелли и, наконец, волевое решение императрицы Екатерины II, отвергающее уже готовую отливку памятника, отложили его открытие на 83 года⁵. Установлен уже по новой отливке при Павле, авторство надписи на постаменте: «Прадеду правнук» — приписывается ему же.

Петр восседает на коне в горностаевой тоге. Но Михайловский замок, пусть обведенный водой, никогда не именовался крепостью. И пушки тоже никогда там не стояли и не стоят.

На памятнике Огюста Монферрана и П. К. Клодта Николаю I на Исаакиевской площади (1859 г.) император изображен в парадном мундире Конногвардейского полка (вспомним широко ходившую эпиграмму, ставшую фольклором: «Дурак умного догоняет, да Исаакий им мешает»).

Памятник скульптора Паоло Трубецкого Александру III был установлен на Знаменской площади (ныне площадь Восстания) в 1909 г. Наверное, из-за контрастности его восприятия горожанами в столь насыщенном историческими событиями XX веке монументу выпала необычная кочевая судьба. В 1930-е гг. он был перемещен в Михайловский сад, позднее стоял во внутреннем дворе Русского музея у корпуса Бенуа и, наконец, в 1994 г. водружен в маленький садик перед входом в Мраморный дворец. В некоторых описаниях император предстает в «мешковатой одежде», но все-таки уточним:

⁵ Более подробное изложение истории памятника см.: [Шенкер, с. 91–96].

он в мундире. Меха в скульптуре не замечено. При появлении памятник был удостоен множества эпиграмм, самая известная из них:

Стоит на площади комод,
На комодe — бегемот,
На бегемоте — обормот,
На обормоте — шапка.

По воспоминаниям современника, сам Паоло Трубецкой отшучивался: «Я не занимаюсь политикой. Изобразил одно животное на другом».

Не разгадав загадочной строки, продолжим дальше читать стихотворение Заболоцкого. Бабка успокаивает Лутоню и говорит:

Сядем дети возле печки
Перед печкой над огнем
Мы захарку запоем.

Авторская ремарка: Дети садятся вокруг печки. Бабка раздает каждому по зажженной лучине. Дети машут ими в воздухе и поют:

Д е т и
Гори, гори жарко,
Приехал Захарка.
Сам на тележке,
Жена на кобылке,
Дети в санках,
В черных шапках

Вот эта ремарка и детская запевка почти дословно совпадают с описанием игры в Захарку, данным известным фольклористом И. П. Сахаровым в его труде «Сказания русского народа»⁶, что позволяет говорить о том, что Заболоцкий был прилежным студентом Герценовского института, а там работали в то время достойные преподаватели, ученые-фольклористы. К тому же не исключено, что в детстве Заболоцкого была принята такая игра в родительском доме или в соседских сельских домах. Захарка появляется в стихотворении и начинается его смертельная борьба с Лутоней.

⁶ «Старушка в семействе, желая потешить детей, берет пук лучины, сажает их около огня и каждому дитяти дает по лучине. Дети зажигают концы лучинок, махают ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
Приехал Захарка,
Сам на тележке,
Жена на кобылке,
Дети на санках,
В черных шапках.

Все эти слова повторяются до тех пор, пока сгорят лучины или пока крик детей, обожженных лучинами, произведет порядочную суматоху. В селениях бабушки для этого только и собирают детей в зимние вечера в одну избу позабавиться Захаркою» [Сахаров, с. 333].

Кстати, Лутоня — это не выдуманное имя, производное от имен Лука, Лукьян⁷. Еще трактуется как мальчик, герой русских сказок. В сказках он побеждает Бабу-Ягу: Баба-Яга пытается Лутоню зажарить, т. е. убить, к тому же стремится и Захарка. Но Лутоня побеждает их. Заметим, в этой части стихотворения трижды упоминается луна, это уже поэтическая аллитерация Заболоцкого: Луна — Лутоня.

У Лутони много защитников:

Вкруг него дремучий лес,
Вкруг него лихие звери
Словно ангелы стоят.
Это кто стучится в двери?
Зв е р и
(вбегая в комнату)
Чудный город Ленинград!

Финал стихотворения:

Л у т о н я
В чудном граде Ленинграде
На возвышенной игле
Светлый вертится кораблик
И сверкает при луне.
Под корабликом железным
Люди в дудочки поют,
Убиенного Захарку
В домик с башнями ведут!

Все встает на свои места. «Старинная крепость» — это Адмиралтейство, но не совсем то, каким мы его сейчас видим, а каким его задумал и выстроил Петр по своим чертежам. Есть информативная и глубокая работа академика Академии художеств, члена объединения «Мир искусства», архитектора-художника, спроектировавшего немало зданий для Петербурга и Москвы, человека с трагической судьбой (его дважды арестовывали, он умер в саратовской тюрьме и похоронен на тюремном кладбище) Николая Евгеньевича Лансере (1879–1942). Работа называется «Адмиралтейство и история его создания», опубликована в 1926 г. [Лансере]. Приведу из нее несколько купированных цитат: «3 ноября 1704 г. Петр, только что одержавший две крупные победы над шведами, взяв Дерпт и Нарву, возвратился из похода в свой „Петербург“ (...) и в тот же самый день на левом, ингерманландском берегу Невы заложил большую корабельную верфь (...) новый город все еще

⁷ «Жертвой Бабы-Яги оказывается мальчик (паренек, хлопец), носящий в ряде сказок имя, производное от названия материала, из которого он чудесным образом произошел: Ляпунюшка (от липы), Лутонюшка (от луточки — лычки, с которой содрано лыко), Глинышек (от глины) и пр.» [Новиков, с. 174].

находился под угрозой неприятеля в течение всего 1704 и 1705, Петербург не раз переживал тревожные дни ввиду появления шведов, подходивших даже к самому городу, однако каждый раз прогоняемых (...) Адмиралтейство он закладывал сразу в большом масштабе „длиною 200, шириною 100 сажень“ (...) План и расположение здания, как видим, остались до наших дней прежними» [Лансере, с. 137].

Далее Лансере отмечает, что в 1718 г. была возведена «довольно высокая башня, украшенная в 1719 году шпцем и *кораблем*», а при Анне Иоанновне старую башню разобрали и построили новую по тому же типу. Цвет Адмиралтейства был при Петре и позже, как он любил, «на голландский вкус», т. е. под цвет кирпича.

«К 1721 г., как мы видим из описания современников, Адмиралтейство приняло вполне устроенный вид. В 1716 г. все здание было правильно обведено каналами, частью выложенными камнем и плитами, насыпаны были земляные валы с парапетом и возведены шесть бастiónов — таким образом и на этом берегу была устроена как бы небольшая крепость, так и называвшаяся долгое время *Адмиралтейской крепостью*» [Лансере, с. 137–138].

Павел I любил проводить там военные учения и, заметив некую запущенность, приказал «„немедленно“ исправить Адмиралтейскую крепость». Были сделаны новые валы, выше прежних, «балюстрад» окрашен «военной краской» [Лансере, с. 139].

Итак, старинная крепость, чуть моложе Петропавловской, определена. Пушки на ней стоят до сих пор со стороны южного фасада. А в 15–20 шагах Медный всадник — один из символов города, как и Адмиралтейство. Да, на императоре походный плащ, но «Царь сидит в меху», потому что он сидит на медвежьей шкуре. «Царь сидит совершенно прямо на медвежьей шкуре, а не на обычном седле, стремян для поддержания равновесия седока тоже нет...» [Шенкер, с. 302]. Далее, намечая многочисленные «бинарные оппозиции», заложенные основателем памятника Этьеном Морисом Фальконе в его гениальное творение, автор монографии приходит к интересным и глубоким философским заключениям, раскрывающим петровские идеи преобразования государства.

Медведь — тоже персонаж русского сказочного фольклора, но, в отличие от Бабы-Яги и Захарки, он бесхитростен и даже добр, кроме того, в определенных контекстах, например Московской летней Олимпиады 1980 г., может стать эмблемой, неутраченным символом русскости, Руси⁸.

⁸ Выскажем еще одно предположение о возможном творческом импульсе к созданию несколько гротескного образа Петра Великого. Именно в это время, в 1930 г., появляется повесть

А в заключение приведем хотя бы начальную строфу раннего стихотворения Иосифа Бродского «Рождественский романс» (1961 г.), которое открывает его двухтомник, вышедший в серии «Библиотека поэта» [Бродский, с. 115]. Скорее всего, Бродский не знал «Детство Лутони», во всяком случае не имел его в виду, когда писал свое стихотворение. Но вот такое образно-эстафетное соприкосновение «кораблика светлого» и «кораблика негасимого» случилось, произошло.

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Литература

- Бродский — *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. Т. 1. 653 [1] с.
- Заболоцкий 1983 — *Заболоцкий Н. А.* Собрание сочинений в трех томах. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1: Столбцы и поэмы, 1926–1933. 655 с.
- Заболоцкий 1998 — *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. М.: Согласие, 1998. 588, [2] с.
- Иконостас — Иконостас Петропавловского собора: [Альбом] / Сост. И. А. Головина, Т. В. Княжицкая. СПб.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2003. 125 с.
- Лансере — *Лансере Н. Е.* Адмиралтейство и история его создания // Морской сборник. Л., 1926. № 8–9. С. 136–152.
- Македонов — *Македонов А. В.* Николай Заболоцкий: Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л.: Советский писатель, 1987. 362 с.
- Новиков — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 253 с.
- Сахаров — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1. 800 с.

Юрия Тынянова «Восковая персона». Тынянов и Заболоцкий хорошо знали друг друга, Заболоцкий относился к Тынянову с пиететом, после смерти писателя в одном из писем к жене писал: «Юрий Николаевич был всегда так внимателен ко мне с первых шагов моей литературной работы, и я был ему во многом обязан», — а Тынянов еще в 1928 или 1929 г. подарил ему свою книгу «Архаисты и новаторы» с многозначительной надписью: «Первому поэту наших дней». В трудные для Заболоцкого годы именно Тынянов посоветовал ему начать переводить грузинских поэтов, а когда Заболоцкого арестовали, он и Тихонов пытались помочь, отправляя письма в различные инстанции [Заболоцкий 1998, с. 122, 224 и др.]. Возвращаясь к теме исследования, заметим, что герой и прозы Тынянова, и стихотворных строк Заболоцкого не живой государь, а его подобие, изваяние.

Шенкер — *Шенкер А. Медный всадник: Памятник и его творцы.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 415 с.

References

- Brodskii, I (2011). *Stikhotvoreniya i poemy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova. Vol. 1, 653 [1] p.
- Golovina, I. A., Knyazhitskaya, T. V., eds. (2003). *Ikonostas Petropavlovskogo sobora. Al'bom* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga, 125 p.
- Lansere, N. E. (1926). 'Admiralteistvo i istoriya ego sozdaniya', *Morskoj sbornik*, 8–9, 136–152.
- Makedonov, A. V. (1987). *Nikolai Zabolotskii. Zhizn'. Tvorchestvo. Metamorfozy*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 362 p.
- Novikov, N. V. (1974). *Obrazy vostochnoslavyanskoi volshebnoi skazki*. Leningrad: Nauka, 1974. 253 p.
- Sakharov, I. P. (2013). *Skazaniya russkogo naroda*, ed. O. A. Platonov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. Vol. 1, 800 p.
- Shenker, A. (2010). *Mednyi vsadnik. Pamyatnik i ego tvortsy*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 415 p.
- Zabolotskii, N. A. (1983). *Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Vol. 1. Stolbtsy i poemy, 1926–1933*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 655 p.
- Zabolotskii, N. N. (1988). *Zhizn' N. A. Zabolotskogo*. Moscow: Soglasie, 588, [2] p.